

Суровый мечтатель

Теперь впечатление от этого странного вечера,¹ наверное,² уже позабылось. Когда Сологуб³ перед собравшейся на его лекцию «об искусстве наших дней» публикой произносил свою речь о религиозной стихии в поэзии и жизни, о правде смерти и торжестве личности, он казался патриархом, вещающим вечные истины молодому поколению. И хотя сказанное им было не ново – ни для него самого, ни для символизма, и хотя он собрал только воедино основные принципы – свои и чужие,⁴ – и в тоне его не было уменья опытного лектора, и его голос то замирал, то звучал холодным криком, и хотя он не развивал и не доказывал своих мыслей, а группировал отдельные изречения, порою⁵ даже бледные по форме, и оценки его не всегда были справедливы, – но от него ли самого, от содержания ли слов, которые он произносил, веяло таким значительным и глубоким – и (как-то странно сказать это о писателе, только⁶ что ставшем популярным и еще не всеми прочитанном!) – таким несовременным, что нельзя было⁷ оставаться невнимательным к его словам и образам. Была внутренняя суровость в этих словах – пусть не⁸ во всем точных, в его голосе, пусть не всегда убедительном, во всей манере говорить – этого бледного человека,⁹ с голой, как череп, головой и мечтательно-холодными глазами. Словно невеселый призрак стоял перед этой беспечной, праздной толпою, состоявшей по большей части из юношей и девушек, почти отроков, – теперешних, современных, «наших дней», странно беспечных, странно праздничных! А этот бледный человек, этот, подобный невеселому призраку, мечтатель,

¹ вечера / было начато: выст<упления>

² наверное / уже улеглось и, может быть,

³ Когда на днях / Когда

⁴ принципы – свои и чужие, /а принципы – свои и чужие – этого течения, б принципы – свои и чужие – этого литературного учения,

⁵ порою / было начато: иногда

⁶ только / еще только

⁷ было / было бы

⁸ не во всем / не всегда во всем

⁹ человека, / человека, уже немолодого,

говорил о том, что жизнь в своем смысле¹⁰ таинственна и что он вместе с другими своими сверстниками искал этого смысла, почему и стал символистом, разгадывая за времененным, здешним – вечное, иное, что этот смысл – итог ихисканий – он решил нести обществу, потому что истинное искусство, проникнутое этими исканьями, не только идет в глубь, но и в ширину: оно хочет быть искусством всенародным. – В чем же этот смысл¹¹? и каким путем к нему прийти?

Смысл жизни, постигаемый на фоне таинственной сущности мира, которая есть смерть, заключается в мечтательном преображении мира, символизации его в искусстве, – единственной реальности – мечтательной и жизненной одновременно, преодолевающей жизнь в мечте. «Я поверил в новый миф, – говорил Сологуб, – миф, создаваемый каждым рыцарем печального образа, миф – претворения безобразия в красоту: приходите ко мне и поверьте, как я, – через ваше “я”, через личность, через – таящую, заключающую в себе все мироздание – душу».

Как должна была слушать беззаботная публика эти суровые призывы? Пусть он ошибался, пусть он строил воздушные замки – вечный строитель Сольнес, неумирающий Дон-Кихот – фантаст, – но он был, казалось, один только мрачен со своей фантазией в огромном полупустом зале темно-желтого цвета – и всем, кажется, становилось¹² холодно-мечтательно и уныло. Могли ли пойти за ним?

Кончилась лекция. Раздались рукоплескания – неуверенные, хотя и довольно шумные; он стоял на эстраде и смотрел с особенной¹³, не то «иронической», не то «лирической» улыбкой – как он сам говорил в своей лекции, – сверху, свысока, а может быть и жалостливо, на тех, кто его выслушал с принудительным вниманием и сейчас разойдется по домам, небрежно похлопав в ладоши!

¹⁰ в своем смысле / было начато: в своем бездонн^{ом} смысле

¹¹ этот смысл / этот зачеркнуто, затем восстановлено, далее было начато: жизн^{енний}

¹² становилось / было

¹³ с особенной / со странной особенной

Сологуб решил своей лекцией¹⁴ высказать исповеданье символизма – как будто бы имея в виду нападки на него со стороны нового поколения – и произнес¹⁵ суровую и мрачную речь, несмотря на то, что он говорил о несущейся в пьяной пляске деревенской девушке, символизирующей жизнь; и сколько девушек, слушая это, думали о себе, о своих девичьих возможностях и радостных праздниках, но увидели ли они за образом этой опьяненной плясуньи – лицо смерти, фон смерти, – томительного небытия?

Вот – различие между Сологубом и слушавшей его современной толпой молодых людей, которые, наверное, ждали от него резких и решительных призывов, – и он произносил их иногда, особенно в конце своей речи, словно бы сам подчиняясь этой молодой требовательности, желая быть – «всенародным», – но темным духом вечного Молчания была проникнута первая часть речи, и сказана она была тихим, проникновенным голосом, и подразумеваемый гимн смерти (произнесенный¹⁶ только в конце словами Баратынского) – аккомпанировал апофеозу пляски-мечты, преображающей мир. – Да! глубока была пропасть между этим невеселым человеком и молодостью, – неуверенно, или¹⁷ равнодушно¹⁸ рукоплескавшей ему. Он говорил о трагической бездне, над которой танцует его таинственная, всенародная мечта, о мире, преображенном в искусстве, – его слушали те, кто не слышит бездны, кто просто танцует,¹⁹ он говорил о Дон-Кихоте, который силой своей веры создавал легкую красоту из «грубого куска» жизни, – понимали ли его? или воспринимали²⁰ только призывы к легкой красоте? не рассыпали подземного гула смерти? боя неотвратимых часов? прислушались ли к себе, к своей творящей стихии, к личности,

¹⁴ своей лекцией / в своей лекции

¹⁵ имея в виду нападки на него со стороны нового поколения – и произнес / было начато: против тех, кто борется с ним, и произнес

¹⁶ произнесенный / а было начато: пр<озвучавший> б раздавшийся

¹⁷ или / было начато: а

¹⁸ равнодушно / было начато: нбреж<но>

¹⁹ танцует, / далее было начато и зачеркнуто: кто не живет

²⁰ воспринимали / слышали

рождающей мечту из глубины своего, обостренного ощущениями мировой сущности, сознания?

Суровы были призывы Сологуба; легка или нет его мечта, но она мрачна²¹ в своем источнике; и она требует, а не утешает²². И кто увидел в нем утешителя, искусителя,²³ навевающего успокоительные призраки, тот ошибся, тот не знает духа символизма, с исповеданием которого выступил Сологуб. Перед публикой стоял суровый мечтатель, рыцарь печального образа, человек трагического сознания, тяжело скользящий над бездной. Жуток образ его пляшущей деревенской девушки, а не легок, не радостен; пусть он сам думает, что – легок, что радостен, как думал Дон-Кихот! Может быть, он сам безумец, забывший за видениями своего бреда трагическую правду? Забыл и то, каким смиренным покаянием кончил Дон-Кихот свою буйно-мечтательную жизнь?.. Нет, – не забыл! Ведь он сам начал свою речь словами смирения перед вечностью – и такова вся «лирика» в его стихах. А его лекция, может быть, была проникнута²⁴ и «иронией»?

Нет, – он был искренен, он верил в мечту: так верил, что забывал трагическую правду, – потому что слишком тягостно ее сознанье для действительного мечтателя, глядевшего в глаза самой смерти и охладевшего от ужаса. А молодости, если она, разошедвшись по домам, все позабыла, что слышала от него, может быть, вспомнится из этих моих слов – образ бледного человека, – как призрак, со странной улыбкой, стоявшего перед ней на эстраде, вечером 1 марта, в знакомой полукруглой зале? Может быть, вспомнят об его срывающемся, туманном голосе, говорившем о том, что «все преходит», что «все проходящее – только символ», что жизнь в своих истоках – мрачна и ответственна, что к смыслу жизни можно прийти, только «познав самого себя», – что трагическая правда жизни – для победы над мраком –

²¹ легка или нет его мечта, но она мрачна / *a* сурова его мечта, но мрачна *b* было начато: хотя и

²² а не утешает / было начато: призы<ваet>

²³ искусителя / было начато: успо<коителя>

²⁴ была проникнута / проникалась

ждет сильных человеческих душ, способных рождать над жизнью великую²⁵
мечту и подчинять ей жизнь?²⁶

Владимир Гиппиус.

²⁵ великую / окрыленную пляской

²⁶ Далее, с новой строки, зачеркнуто: Или Сологуб говорил совсем не то?